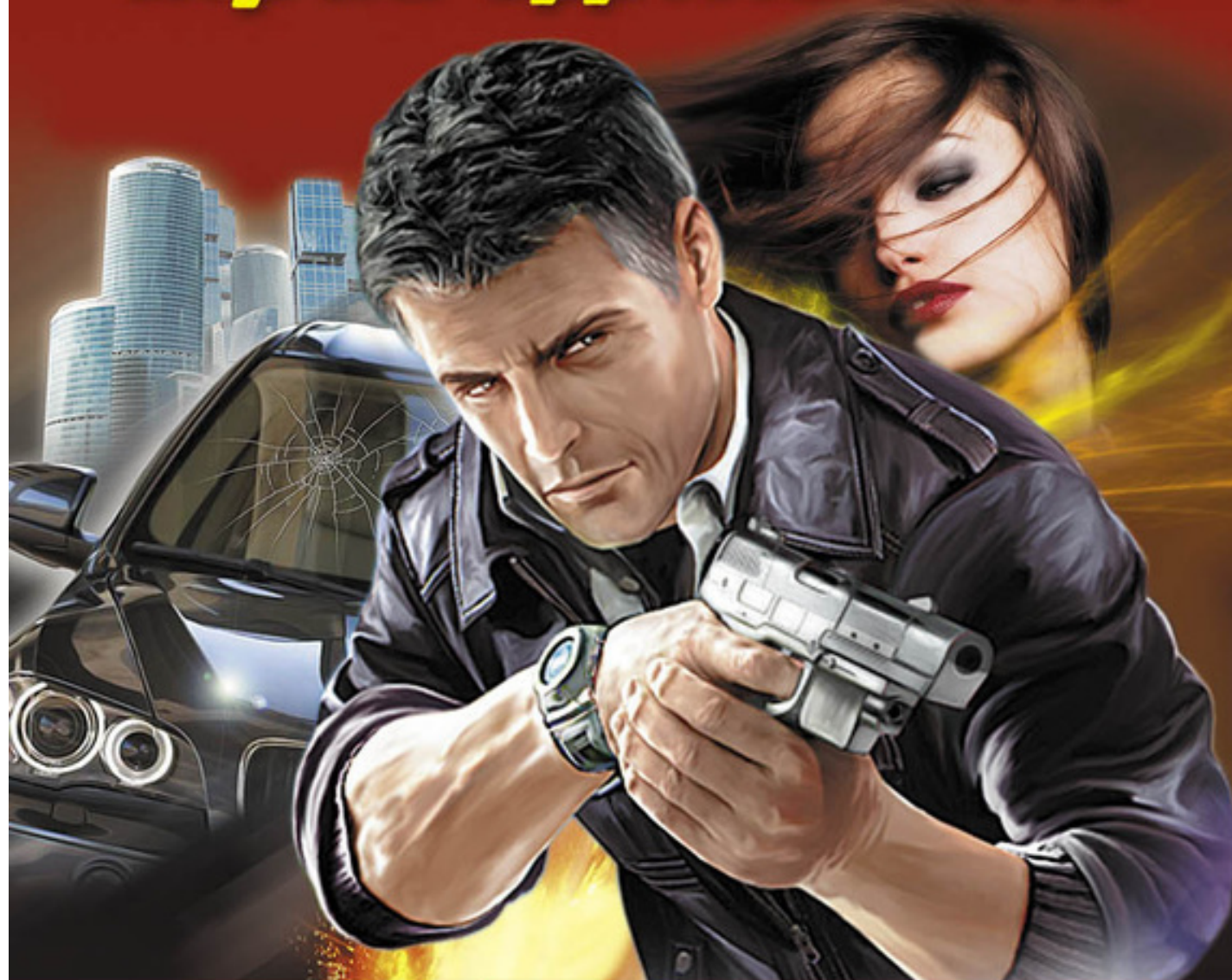

Николай
ЛЕОНОВ
Алексей МАКЕЕВ

Киллер из Лиги справедливости

РУССКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

Полковник Гуров

Николай Леонов

Киллер из Лиги справедливости

«ЭКСМО»

2017

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Леонов Н. И.

Киллер из Лиги справедливости / Н. И. Леонов — «Эксмо»,
2017 — (Полковник Гуров)

ISBN 978-5-699-94281-7

От рук киллера один за другим погибают врач частной клиники, банкир, биатлонистка, владелец баскетбольного клуба... В ходе расследования полковники МУРа Гуров и Крячко установили, что убитые были связаны с теневой стороной большого спорта: занимались подкупом спортсменов, договорными матчами и прочими грязными делами. Похоже, что ликвидацией нечистых на руку дельцов занимается фанат и последователь «Лиги справедливости», возомнивший себя высшим судьей. Но почему в таком случае в прицеле убийцы вдруг оказались отнюдь не коррупционеры, а кристально честные сыщики МУРа?

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-94281-7

© Леонов Н. И., 2017
© Эксмо, 2017

Содержание

Пролог	6
Глава 1	8
Глава 2	19
Глава 3	31
Конец ознакомительного фрагмента.	32

**Николай Иванович
Леонов, Алексей Макеев
Киллер из Лиги справедливости**

© Макеев А., 2017

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

Пролог

Зал «Калисто» заполнен всего лишь наполовину. Ну, может быть, чуть больше... Максимум на две трети. Это уютное и приятное во всех отношениях заведение с великолепной кухней и высококласным обслуживанием, но цены, мягко говоря, кусаются...

Мне приходилось бывать здесь прежде. Раз или два...

Я слегка поворачиваю голову влево и вижу, как метрдотель с дежурной улыбкой на устах приветствует очередную пару средних лет. У них не любовное свидание – такие вещи я распознаю с первого взгляда. На нем старенький и давно уже вышедший из моды костюмчик, а на ней столько украшений, сколько вообще реально на себя нацепить. Как говорится, все напоказ... Они явно отмечают какую-то годовщину совместной жизни. И не потому, что им этого хочется, а потому, что ТАК НАДО. Традиция...

Мои губы трогает легкая усмешка. Таких людей мне тоже приходилось встречать по жизни. Я могу понять их позицию, но принять... Наверное, нет.

Метрдотель провожает пару до ближайшего свободного столика. Молоденькие официантки в белоснежных блузках и ярко-красных передниках бесшумно, как тени, снуют по залу, своевременно доставляя заказы. В «Калисто» во всем чувствуется профессиональный подход. Мне определенно тут нравится. Надо будет наведаться как-нибудь в этот ресторан не по работе, а просто так... Исключительно для души...

Незаметно бросаю взгляд на наручные часы. Половина первого... Пора! Мне хорошо знакомы привычки клиентов. За минувшие четверо суток они изучены мною вдоль и поперек...

Поднимаюсь из-за столика и размеренным шагом направляюсь в сторону туалетов. На пути попадает одна из официанток с заставленным до краев подносом. Это хороший знак. Во всяком случае, мне так кажется... Я люблю, когда знаки благоприятствуют мне. Я в них верю. Даже если кому-то это покажется смешным и нелепым.

Девушка улыбается мне. Я улыбаюсь в ответ.

Дверь в мужской туалет слегка приоткрыта. Внутри горит свет. Я стучу для приличия, но никакого ответа не следует. Тишина. Захожу внутрь. Беглым взглядом осматриваю три кабинки. Никого. Возвращаюсь к двери и запираю ее на ключ.

Четвертая, последняя в ряду, кабинка заперта. Но так и должно быть. Нехитрый замок легко отпирается булавкой. В конце концов, это же не сейф с драгоценностями... Я сомневаюсь, что кто-то что-то захочет украсть в общественном туалете. Такого добра никому не нужно...

Я надеваю перчатки и отпираю дверь булавкой. Компактный черный чемоданчик ждет меня на сливном бачке. Щелкаю замками. Откидываю верхнюю крышку. Для предстоящей работы мне даже не требуется подключать мозги, руки все делают сами. Привычно, уверенно, что называется, «на автомате»... Собрать снайперскую винтовку «Stealth Recon Scout» я смогу и с закрытыми глазами. И потрачу на это не больше тридцати секунд. Это дело практики... Несущая алюминиевая шина, стальная ствольная коробка, полимерная ложа, продольно скользящий поворотный затвор, укороченный ствол с интегральным глушителем, 5-зарядный коробчатый магазин для патронов. Ну, и, конечно, оптический прицел... Укладываюсь в двадцать шесть секунд. Превосходный показатель...

Еще десять секунд уходит на то, чтобы покинуть кабинку и занять позицию возле окна. Слегка приоткрываю нижнюю форточку. Морозный воздух врывается внутрь. «Затыльник» винтовки упирается мне в плечо. Припадаю к окуляру и легко «нацупываю» мишень в одном из окон дома напротив. Я знаю наверняка, что мишень там, где она и должна быть. Указательный палец плавно ложится на спусковой крючок...

При помощи мощного оптического прицела я могу видеть все, что происходит в интересующей меня комнате дома напротив... Все, до мельчайших деталей... Словно нахожусь там, вместе с ними...

Одна из девушек, брюнетка с короткой стрижкой, полностью обнажена. Она сидит на краю кровати со смятой постелью, грациозно и игриво покачивая ногой. Ее подруга с русыми, слегка кудрявыми волосами, как и следовало ожидать, уже одета. На ней обтягивающие черные джинсы, высокие полусапожки и короткий соболиный полушубок с капюшоном. Она слегка нагибается и целует обнаженную подругу в губы. Их поцелуй длится достаточно долго. Наконец девушка в соболином полушубке со смехом отстраняется от подруги, и та обиженно надувает губы. Между ними происходит короткий диалог, который мне не слышен.

Брюнетка неохотно поднимается с кровати, и они вместе скрываются в коридоре квартиры. «Мишень» исчезает из виду. Я жду. Брюнетка возвращается в комнату через пару минут. Подхватывает с кресла легкий халатик и накидывает его на плечи. Приближается к окну. На ее чуть пухлых губах играет блаженная улыбка. Она потягивается, вскидывая вверх обе руки и выставляя на обозрение неприкрытую халатом грудь. Ее правая бровь оказывается в перекрестье оптического прицела. Я плавно спускаю курок. Выпущенная из укороченного ствола пуля калибра 7,62 мм моментально съедает расстояние в четыреста метров, пробивает стекло, оставляя в нем крохотное отверстие, и, подобно разъяренному насекомому, впивается брюнетке в правую бровь. Она не успевает ничего почувствовать. Смерть наступает мгновенно. Я знаю это наверняка... Тело жертвы кулем оседает на пол.

Мои щеки начинают слегка покалывать от мороза. Я закрываю форточку. Возвращаюсь в кабинку, разбираю винтовку и аккуратно складываю ее на прежнее место. Захлопываю чемоданчик. Оставляю его на сливном бачке, покидаю кабинку и вновь запираю замок булавкой. Стягиваю с рук перчатки и растираю щеки, возвращая им прежний вид. Сверяюсь с наручными часами. Мое отсутствие в обеденном зале «Калисто» равняется четырем минутам, даже чуть меньше. Великолепный показатель...

Я покидаю туалет, оставляя дверь приоткрытой, и все тем же неспешным шагом возвращаюсь к своему столику. На пути снова попадаетесь официантка. Но уже другая. У нее пустой поднос, и она движется в сторону кухни. Это уже никакой не знак... Это уже не имеет никакого значения. Дело сделано.

Пара средних лет, явившаяся в «Калисто» отметить какую-то совместную дату, раздумывает над заказом – как бы потратить поменьше денег и при этом «не ударить в грязь лицом». Я могу их понять...

Метрдотель возвращается на привычное рабочее место рядом с входом.

Глава 1

– Перестань! – Екатерина легонько щелкнула Крячко по носу, когда его руки вновь сомкнулись у нее на талии. – Ты что вытворяешь? С ума сошел?!

Он не убрал руки. Напротив, его движения стали еще более требовательными и настойчивыми. Полковник подмял под себя девушку и страстно поцеловал ее в губы.

– Стас! – засмеялась Екатерина.

– Что? – Крячко расплылся в улыбке. – Я думал, тебе хочется того же, что и мне. Во всяком случае, предыдущие три раза ты была явно не против. И, насколько я могу судить, тебе понравилось... – Он обхватил губами мочку ее уха и одновременно с этим вдохнул аромат душистых белокурых волос, рассыпавшихся по подушке. Одеяло скатилось на пол. Мягкий свет ночника с прикроватной тумбочки осветил плавные изгибы обнаженного женского тела. – В чем дело, малышка? Я думал, нам хорошо вместе...

– Не спорю. – Екатерина сомкнула руки на могучей шее полковника, заставила его поднять голову и заглянула в глаза: – Но ты смотрел на время? Видел, который час?

– Плевать! – Для Крячко это был не аргумент. – Счастливые часов не наблюдают. Разве ты не слышала об этом? А я... Я не могу оторваться от тебя, моя прелесть... Ни на секунду...

– Я думала, тебе с утра на работу.

– Только к восьми. Мне будет достаточно поспать всего пару часов. А пока иди ко мне.

Он завалился на бок и потянул ее за собой. Девушка вновь засмеялась, но сопротивляться не стала.

– Дурачок, – только и успела сказать она, прежде чем Станислав закрыл ее рот долгим чувственным поцелуем.

На тумбочке зазвенел мобильник. Крячко предпочел не обращать на него внимания, но он продолжал звонить снова и снова. Замолкал всего на пару секунд, а потом вновь начинал требовательно пикиать.

– Ответь, – отстранившись от Крячко, сказала Екатерина. – Вдруг что-то важное.

– Для меня нет ничего и никого важнее тебя, – ответил он.

– И все равно ответь, Стас.

– Ладно, – неохотно сдался полковник и потянулся к аппарату. – Сейчас посмотрим, кто там такой настырный. – Настырным оппонентом оказался не кто иной, как полковник Гуров. Крячко негромко выругался, приложил палец к губам, призывая Екатерину к молчанию, и только после этого ответил на вызов: – Слушаю тебя очень внимательно, Лева. Что за пожар?

– Пожара нет. Есть кое-что похуже, Стас. Очередной привет от нашего снайпера-«серийника».

– Черт! Опять? – Крячко сел на кровати, поднял с пола одеяло и набросил его себе на колени. – Новая жертва?

– Да.

– Кто на этот раз?

– Давай не по телефону, старик, – недовольно буркнул Гуров. – Встречаемся на месте и поговорим. Записывай адрес. Я уже в пути.

– Мне прямо сейчас выезжать?

– Нет, Стас, необязательно. Приезжай как сможешь. Завтра вечером, например. Я распожусь, чтобы труп не убрали. Если он начнет разлагаться, соседи принесут с улицы побольше льда. Обложим его как следует, сядем в кружочек и будем дожидаться полковника Крячко... Ты совсем идиот? Да? – взорвался Гуров. – Я сказал тебе, что уже в пути. И ты, считай, тоже. Записывай адрес!

– Я запомню. Диктуй.

– Через сколько будешь? – назвав адрес, уточнил Гуров.

– Пятнадцать минут, – ответил Станислав и, отключив мобильник, повернулся к Екатерине: – Прости, малышка. Мне нужно срочно ехать.

– А что случилось?

– Убийство.

– Это серьезно.

– Да уж. Кстати, если хочешь, можешь остаться у меня, – предложил Крячко и сам удивился тому, как легко и непринужденно прозвучали его слова. Прежде он никогда не предлагал своим многочисленным дамам ничего подобного. Но Катя... Тут было что-то особенное. Крячко почувствовал это с первых минут знакомства. – Как только я вернусь, мы продолжим с того, на чем остановились.

– Нет. Я, пожалуй, поеду к себе и как следует выплусь.

Девушка мягко, как пантера, соскользнула с кровати, сладко потянулась и только после этого, скопом собрав с пола всю свою одежду, сорванную Станиславом несколько часов назад в порыве страсти, скрылась в ванной комнате. Крячко тяжело вздохнул и не удержался от того, чтобы не проводить Екатерину томным взглядом.

– Вызовешь мне такси? – спросила она, возвращаясь в комнату.

– Я могу сам подбросить тебя, – предложил Стас, закрепляя оружие в наплечной кобуре.

– Не стоит. Я слышала, как ты обещал кому-то по телефону быть на месте через пятнадцать минут. Пять из них уже истекли... Я вполне могу добраться и на такси. А ты... – Екатерина обняла полковника, приподнялась на цыпочки и чмокнула его в кончик носа. – Если захочешь меня увидеть снова – у тебя есть мой номер телефона.

– Конечно, захочу.

– Вот и договорились...

По адресу, названному Гуровым по телефону, Станислав все-таки умудрился опоздать на десять минут. Пришлось слишком долго ждать такси для Екатерины, а оставить девушку на скамейке возле дома в начале пятого утра он посчитал неправильным. Не по-джентльменски...

Припарковавшись у нужного подъезда, Крячко выбрался из салона, приветливо махнул рукой сотрудникам ППС и, на ходу закулив сигарету, пешком поднялся на третий этаж. У распахнутой двери в квартиру жертвы дежурил лейтенант Конев. Станиславу уже доводилось работать с ним во время предыдущего убийства, совершенного пять дней назад. Мужчины обменялись крепким рукопожатием.

– Кто на этот раз? – коротко поинтересовался Крячко, расстегивая пуховик и сдвигая шапку на затылок.

– Мария Зеленская. Биатлонистка. Я видел ее выступления на чемпионате России в прошлом году... – печально покачал головой лейтенант. – А в этом году дебют на кубке IBU. Очень неплохой, кстати, дебют получился. Вы не видели, товарищ полковник?

– Нет. Я не смотрю биатлон. Не понимаю этого спорта. – Крячко глубоко затянулся сигаретой.

– А я вот – фанат, – признался Конев. – Не пропускаю ни одной трансляции, причем какого бы уровня соревнования ни проводились. И я знал Зеленскую... Ну, не лично, конечно, а по телевизору... Она была восходящей звездой российского биатлона, можете мне поверить. Ничуть не хуже Александровой. Затмить Александрову сложно, но Маша, я думаю, смогла бы...

– Почерк убийства тот же, как я понял?

Станислав докурив сигарету, затушил окурочок о подошву ботинка и бросил его в подвешенную к лестничным перилам консервную банку из-под зеленого горошка.

– Абсолютно, – ответил Конев. – Снайперский выстрел через окно. В правую бровь. Мгновенная смерть. Это наш «серийник», товарищ полковник.

– А кто обнаружил тело?

– Соседка. Она же – владелица квартиры. Это съемное жилье. То есть я хочу сказать, что Зеленская снимала тут квартиру... Бабушке лет за семьдесят, она страдает бессонницей... В четыре утра пошла выносить мусор и увидела, что в квартире Зеленской до сих пор горит свет. Ей это не понравилось. Она постучала. Ей никто не ответил. Вернулась к себе в квартиру за ключом, сама отперла дверь и вошла. А тут... труп. Бабушка сразу и отзвонилась куда следует.

– Понятно, – кивнул Крячко. – Вот что такое бдительность, лейтенант. Лев Иванович уже тут?

– Внутри. Там с ним сотрудник прокуратуры, а еще ждут человека из службы безопасности «Роскомспорта».

– А это зачем? – удивился полковник.

– Не могу знать, – пожал плечами Конев. – Вроде так положено... Если убийство связано со спортом, они обязаны реагировать.

– Ясно.

Станислав шагнул в помещение. Огляделся. Квартира, снимаемая покойной Марией Зеленской, была небольшой. Санузел, кухня и две жилые комнаты. Крячко прошел в одну из них, откуда доносились приглушенные мужские голоса. Гуров стоял возле окна, потягивая кофе из бумажного стаканчика. Он был в пальто, но без головного убора. Заметив напарника, Лев молча кивнул в знак приветствия и вновь повернулся лицом к эксперту по баллистике. Станислав подошел к ним, попутно отметив, что двое «медиков» все еще «колдуют» над распростертым на полу телом. Наготу убитой с трудом скрывал легкий прозрачный халатик. Характерное пулевое отверстие над правой бровью бросалось в глаза в первую очередь.

– ...пуля калибра 7,62, – негромко докладывал баллистик. – Предположительно выпущена из снайперской винтовки «Stealth Recon Scout» американского производства образца 2008 года. Прицельная дальность до 1500 метров. Но... Точно такие же предположения мы делали и в двух предыдущих случаях, Лев Иванович. Идентичность, конечно, просматривается. Особенно если учитывать характер ранения жертвы. Однако утверждать что-либо наверняка можно только в том случае, когда у нас на руках будет само орудие убийства.

– А еще лучше убийца, – не удержался от комментария Крячко.

Гуров мрачно глянул в сторону напарника.

– Откуда стреляли, удалось выяснить?

– Опять же предположительно, Лев Иванович, – пожал шуплыми покатыми плечами баллистик. – Учитывая траекторию полета пули...

– И откуда же?

– Из ресторана напротив. В качестве точки дислокации снайпер, с большой долей вероятности, использовал туалет...

– Вот черт! – Крячко стянул с головы шапку и машинально взъерошил волосы. – Из ресторана напротив? Из «Калисто», что ли?

Баллистик кивнул.

– А в чем дело? – обратился к напарнику Гуров. – Что тебя так насторожило, Стас?

– В котором часу ее убили?

– Согласно предварительному заключению, от полуночи до часу ночи, – ответил сыщик.

– Твою мать! Я был там!

– Где ты был?

– В «Калисто». Вчера. Как раз в это самое время. У меня было свидание. И мы ушли из «Калисто» где-то в районе часа ночи. Но я не виноват, Лева! Честное слово! Это не я... У меня и алиби есть. Я был с девушкой...

Гуров нахмурился, ему было не до шуток. Взяв напарника под локоть, он отвел его в сторону и легонько ткнул кулаком под ребра.

– Ты когда-нибудь бываешь серьезным, Стас?

– Бываю. Когда с мамой по телефону разговариваю. Она на дух не переносит мои шутки, говорит, что у меня черный юмор. Хотя я подозреваю, что у нее самой чувство юмора напрочь отсутствует. Почти как у тебя. И когда я звоню ей...

– Стас! – оборвал его Гуров. – Прекрати! Ты хоть понимаешь, что у нас третье убийство за последние две недели? И пока ни единой зацепки... Не считая того, что все три убийства совершены предположительно одним и тем же снайпером.

– Подозреваешь, что это маньяк?

– Надеюсь, что нет. – Полковник сделал очередной глоток кофе. – Маньяк и логика, как правило, – две несовместимые вещи. И в этом случае мы рискуем получить стопроцентного «глухаря». Орлов уже звонил мне пару минут назад. Требуется, чтобы мы оба явились к нему на ковер к восьми утра.

Крячко поморщился, как от зубной боли. Бросил очередной взгляд на труп девушки, затем перевел его чуть дальше и только сейчас заметил установленную в углу комнаты видеокамеру на низком штатетнике.

– А это еще что?

– Это та ниточка, за которую нам, возможно, удастся зацепиться, – не сразу ответил Гуров. – Камера была уже здесь до нашего появления. Мы осмотрели материал...

– И что там?

– Домашнее любительское порно. – В голосе полковника прозвучали неприязненные нотки. – Накануне вечером жертва была в квартире не одна. На видео присутствует еще одна девушка. Ее опознали. Тоже биатлонистка. Вероника Калинина. Я распорядился доставить ее...

– Стой-стой! – Глаза Станислава азартно блеснули. – Ты хочешь сказать?.. Там что, сцены лесбийской любви? На видео?

– Ну, в общем, да.

– Я должен посмотреть, – решительно заявил Крячко.

– Стас!

– Что? Это же не ради любопытства... Нам понадобится копия, чтобы приобщить к делу... Одним словом, я займусь этим.

– Стас! Угомонись! Копию уже сняли.

– Почему без меня?

– А я сказал тебе, чтобы ты приезжал пораньше, – улыбнулся Гуров. – Но зато у тебя есть возможность лично пообщаться с одним из действующих лиц любительского фильма.

Он обхватил Станислава за плечи и развернул лицом к входу. Лейтенант Конев впустил в помещение девушку, облаченную в короткий соболиный полущубок. Она дрожала всем телом, а когда растерянный взгляд наткнулся на труп возле окна, лейтенанту и вовсе пришлось подхватить девушку, готовую лишиться сознания.

– Нет, – глухо произнесла девушка и закрыла лицо руками. – Маша... Этого не может... Не может...

– Она? – спросил Крячко.

– Она. Вероника Калинина, – кивнул Гуров.

Полковник шагнул вперед, взял девушку за руку и подвел к ближайшему креслу. Вероника не села, а буквально упала в него. Гуров придвинул стул и занял место напротив. Крячко встал за спиной напарника. Оба сыщика выжидательно смотрели на биатлонистку, предоставляя ей время немного успокоиться. Вероника не плакала, но определенно находилась в некоем состоянии шока. Ее глубоко посаженные глаза беспокойно бегали из стороны в сторону, старательно избегая останавливаться на теле убитой подруги.

– Как это?.. Почему?.. – Ее вопросы не были обращены к кому-то конкретно. – Почему Маша? За что? Кто это сделал?

Медицинский эксперт закончил осмотр и подал знак санитарам. Один из плечистых парней быстрым профессиональным жестом развернул черный мешок. Калинина поспешно отвернулась к двери.

– Вообще-то мы надеялись, что именно вы, Вероника, поможете нам найти ответы хотя бы на некоторые из этих вопросов, – тактично начал Гуров.

– Я? Я ничего не знаю. С чего вы решили, что я смогу?.. – испуганно взглянула она на сыщика. – Ко мне домой явились двое ваших сотрудников, и именно от них я узнала, что Машку... Узнала о том, что случилось...

– Вы были здесь накануне вечером?

Вероника заколебалась и ответила на вопрос полковника не сразу. Потупившись, натянула рукава полушубка на пальцы, и из меховых отворотов теперь торчали только короткие ногти со смазанным темно-синим лаком.

– Мы видели запись с камеры. И знаем не только о том, что вы были здесь, но и о том... в каких отношениях вы состояли с убитой.

– Что? – вскинулась Калинина. – Какие отношения? У нас с Машкой не было никаких отношений. А то, что вы видели... Ну, как бы вам объяснить?.. Мы просто встречались время от времени и... немного дурачились. – Она выдержала паузу и добавила: – Секс без обязательств. Понимаете? Вы ведь слышали о такого рода отношениях между мужчиной и женщиной?

Гуров коротко оглянулся на напарника и кивнул:

– Слышали.

– Здесь то же самое. Просто секс...

– Во сколько вы вчера покинули квартиру?

– В половине первого. – Вероника продолжала смотреть в пол до тех пор, пока тело Зеленской не вынесли из комнаты, и только после этого позволила себе поднять взгляд на сыщиков. – У нас режим. Спортивный. Мы, конечно, позволяем себе некоторые нарушения. А кто их не позволяет?.. Я не могла остаться на ночь. И мне, и Машке требовалось выспаться. В десять у нас тренировка. На завтра назначены пробные забеги, в условиях, приближенных к соревновательным. А Машка... Она была жива, когда я уходила. Она проводила меня до двери.

– Вы были подругами? – подключился к допросу Крячко. – Или только секс без обязательств, как вы выразились?

– Не только. Мы были подругами.

– Выступали вместе?

– На клубном уровне. – В комнате было жарко, но Калинина не снимала своего полушубка, даже не расстегивала его. Напротив, продолжала зябко кутаться. – Мы вместе выступаем за подмосковную «Нерпу». А на уровне сборных... Машка старше меня на два года. Она уже пробовалась на одном из этапов кубка IBU. Еще на двух была заявлена, но не бежала. Тренеры возлагали на нее большие надежды. Все говорили о Машке как о новой восходящей звезде женского биатлона. А я... Я гонялась только за юниоров, и то нестабильно...

– Сколько вам лет?

– Двадцать.

– Живете не в Москве?

– В Москве. У двоюродного брата. У него своя семья, но он приютил меня... Временно. Пока не встану на ноги... Сама-то я из Сургута.

– А Зеленская?

– Машка – коренная москвичка.

– А почему тогда она жила на съемной квартире? – поинтересовался Гуров.

– Ну... – Калинина вновь не сразу нашлась с ответом. – У нее, как бы это сказать... разногласия с отцом. Матери у нее нет, а отец... Он не одобрял Машкиного образа жизни, они все время цапались, и в итоге Машка решила, что проще будет перебраться на съемную квартиру.

– Что вы подразумеваете под «образом жизни»? Нестандартную сексуальную ориентацию? Вы об этом?

– Да. – Вероника снова отвела глаза. – Не все способны понять и принять это. Машкин отец как раз был из числа таких...

– Во вчерашнем поведении Зеленской вы не заметили ничего странного? Может, она излишне нервничала? Была чем-то встревожена? Какие-нибудь подозрительные звонки?

– Нет. Ничего такого не было, – отрицательно покачала головой Вероника. – Все было как обычно.

Она невольно покосилась на кровать со смятой постелью, нервно сглотнула и наконец расстегнула ворот полушубка. Левый глаз Вероники задергался в нервном тике. Казалось, до нее только сейчас полностью дошла вся степень серьезности и необратимости случившегося.

Крячко прошелся по комнате, остановился возле видеокамеры и заглянул в миниатюрное «окошечко».

– А зачем вам понадобилось снимать ваши... шалости на видео? – спросил он.

– Не знаю, – даже не посмотрев в его сторону, вполголоса ответила она. – Это была Машкина идея. Ей вроде нравилось потом просматривать такое видео.

Крячко понимающе кивнул головой.

– Ну, и что мы имеем, господа? Есть какие-то предположения? Более или менее стройные версии, заслуживающие внимания? – Генерал Орлов прошелся вдоль стола и занял свое привычное рабочее место. Слегка распустил тугой узел галстука под воротом темно-синей рубашки. – Докладывайте, господа, докладывайте. Не стесняйтесь, я открыт для общения...

– К сожалению, порадовать пока нечем, товарищ генерал, – мрачно откликнулся Гуров, понимая, что отмолчаться все равно не удастся.

– А меня не надо радовать, Лева, – нахмурившись, парировал Орлов. – Меня, слава богу, есть кому радовать. Родные, близкие... Вот они меня должны радовать. А от вас мне надо совсем другое. Результаты! В столице орудует серийный убийца. Профессиональный снайпер. На его счету уже три жертвы. Три! – Генерал для наглядности продемонстрировал сыщикам три оттопыренных пальца. – И это только за последние две недели. А что будет еще через две? Шесть жертв? А через два месяца? Двенадцать? Или он войдет во вкус, и количество жертв будет увеличиваться с геометрической прогрессией?..

– Товарищ генерал... – попытался сказать что-то Гуров, но Орлов пресек эту попытку раздраженным взмахом руки:

– Все, что вы можете сказать, я уже слышал. Между жертвами нет никакой видимой связи...

– Но ее действительно нет.

– Так не бывает! Связь должна быть, Лева. Значит, вы просто ее не видите. Или ищите не в том месте.

– Ну, посудите сами. – Полковник раскрыл лежащую перед ним папку с материалами дела. Перевернул несколько листов. – Первый убитый – главврач частной клиники, расположенной на улице академика Янгеля. Геннадий Романович Столяров. Проживал в том же районе, в паре кварталов от места работы. Примерный семьянин. Жена, двое детей... Убит при выходе из подъезда собственного дома. В тот момент, когда собирался садиться в машину... Второй убитый – банкир. Виктор Викторович Церепко. У него был частный дом на Багратионовской. Жил один. Семьи нет. Разведен. Детей тоже нет... Известен как успешный пред-

приниматель и меценат. Занимался благотворительной деятельностью. Убит у себя в банке на Сухаревской. В офисе. Выстрелом через окно... И, наконец, третий убитый... вернее, убитая – биатлонистка. Мария Андреевна Зеленская. Снимала квартиру на Чкаловской. Не замужем. Девушка нетрадиционной сексуальной ориентации. Мать умерла. Отец – директор мебельной фабрики «Андерзел», расположенной по адресу Боровицкая, 8. Сам проживает в районе Охотного ряда... То есть я к чему клоню, товарищ генерал. – Гуров оторвался от документов и поднял глаза на Орлова: – Между убитыми нет никакой связи. Ни социальной, ни экономической, ни, как видите, даже географической...

– За исключением того, что все они были убиты одним и тем же человеком, – добавил генерал.

– Предположительно да. Во всяком случае, почерк во всех трех убийствах абсолютно идентичный. Снайперская винтовка, калибр пули, и самое главное – место на теле жертвы, в которое производится выстрел. Правая бровь. Это похоже на фирменную метку, снайпер словно расписывается, дает нам понять, что это именно его работа.

– Пижонит, что ли? – Орлов заметно успокоился, но все еще взирал на подчиненных из-под нахмуренных бровей.

– Возможно, – уклончиво ответил Гуров. – А возможно, за этим кроется и что-то другое... Мы работаем, товарищ генерал. Ищем. Но сами понимаете... При столь разрозненных фактах...

– Да все я понимаю, Лева. – Генерал устало откинулся на спинку кресла, переплел пальцы и аккуратно сложил их на своем объемном животе. Падавший из окна свет отразился от его гладкой лысины. – Но на меня тоже давят. Сегодня уже звонили из мэрии, требуют, чтобы мы активизировались. Их беспокойство оправданно... Через полгода выборы, а тут такое... Шутка ли? Серийный убийца-снайпер... А мне им и ответить-то нечего. Глупое положение.

Гуров на это ничего не ответил. Полковник Крячко и вовсе не произнес ни единого слова за все то время, что оба сыщика находились в генеральском кабинете. Такое поведение было совершенно нетипично для словоохотливого Станислава, и это немного настораживало Гурова. Крячко сосредоточенно смотрел в одну точку, и только время от времени его губы начинали беззвучно шевелиться. Он был погружен в какие-то собственные размышления.

– Что вы намерены делать? – задал новый вопрос Орлов.

– Ну, я полагаю, разумнее будет проработать последнее убийство. – Гуров захлопнул папку, но отодвигать ее от себя не стал. – Для начала планирую пообщаться с отцом убитой Зеленской. По нашей информации, у них были конфликты в последнее время. Хотелось бы выяснить, на чем они основаны. Также продолжим искать связь между тремя жертвами. Может, Андрей Зеленский был знаком с Геннадием Столяровым или Виктором Церепко... Хотя бы косвенно. И еще, товарищ генерал... Меня натолкнуло на определенную мысль одно интересное обстоятельство. Думаю, в этом направлении стоит копнуть поглубже.

– Что за обстоятельство? – заинтересовался Орлов.

– Последняя убитая – биатлонистка. Биатлон – стрелковый вид спорта. Мы же имеем дело не просто с убийцей, а со снайпером. Эти два фактора могут быть связаны.

– Убийца – бывший биатлонист?

– Необязательно бывший. Вполне возможно, что и действующий.

– А каким боком тут врач и банкир?

– Повторюсь, это всего лишь версия, товарищ генерал, – пожал плечами Гуров. – Но оставлять ее без внимания нельзя.

– Согласен, – решительно кивнул Орлов. – Давайте попробуем копнуть в этом направлении, как ты сам только что выразился, Лева. Глядишь...

Фраза генерала так и осталась незаконченной, ее беспардонно прервал Крячко, неожиданно вышедший из своего оцепенения. На губах Станислава появилась широкая лучезарная улыбка. Он встретился глазами сначала с Гуровым, затем с Орловым и торжественно сообщил:

– У меня есть кое-что! Извините, что перебил, товарищ генерал, но, мне кажется, это важно... Я тут сидел, думал, вспоминал... Я ведь должен был видеть убийцу.

– Не понял, – удивленно приподнял брови Орлов.

– Полковник Крячко был вчера в ресторане «Калисто», предположительно в то же самое время, когда снайпер производил свой выстрел из окна уборной, – пояснил Гуров.

– Не предположительно, Лева, а точно был, – заявил Станислав. – Я со своей дамой приехал в «Калисто» около одиннадцати вечера. А покинули ресторан мы никак не раньше часа ночи, я это хорошо помню. Снайпер был там же, и я должен был его видеть... Вряд ли он зашел в ресторан, наведаясь в туалет, убил Зеленскую и тут же смылся. В заведениях такого уровня, как «Калисто», подобные штуки не прокатываются. Это же не забегаловка вроде «Бургер Кинга» или «Макдоналдса». Убийца находился в ресторане достаточно долгое время. Занял столик, оформил какой-то заказ... Верно?.. Вот я и прокручивал в голове лица всех тех, кого видел в «Калисто» в тот вечер. Там было не так уж и много народу...

– И тебе, кроме своей спутницы, удалось заметить там еще кого-то? – беззлобно усмехнулся Гуров.

– Представь себе, да. Я очень наблюдательный, Лева. С детства. Потому и пошел работать в уголовный розыск.

– Давай ближе к делу, Стас, – нетерпеливо вклинился генерал. – Ты вспомнил кого-то?

– Вспомнил. В том-то и дело, что вспомнил, товарищ генерал. «Калисто» – довольно романтическое место. Я потому и повел девушку на свидание именно туда. Хотелось с ходу произвести на нее впечатление... Кстати, в это заведение, как правило, ходят парами. Я прокрутил в голове, кто где сидел вчера, и вспомнил, что там был один мужик. Причем ключевое слово тут «один». Он был без пары. Не помню, пришел ли он раньше меня или позже... Но он сидел один за столиком возле окна. Заказал только кофе... Сидел, пил кофе и читал газету. Я не видел, отходил ли он по нужде, но, возможно, и отходил.

– Он мог ждать кого-то. Я имею в виду, свою пару, – пояснил Гуров.

– Лева, Лева, – сокрушенно покачал головой Крячко. – Ты когда последний раз ходил на свидания? Если мужчина ждет свою даму, он не читает газет. Он смотрит на часы, на вход... но никак не в газету. А уж тем более если ждать приходится больше часа. Короче, никого он не ждал... Я не утверждаю, что это и есть наш киллер, но мужик точно подозрительный. Проверить стоит.

– Проверить стоит, – согласился Орлов. – Ты хорошо его запомнил?

– А то! – гордо приосанился Станислав. – Я же говорю вам, что наблюдательный с детства. Это Гуров у нас видит только голые факты, а я замечаю людей вокруг.

– Фоторобот составить сможете?

– Так точно.

– Тогда составляйте, – распорядился Орлов, вновь принимая начальственный вид и поправляя галстук. – Но при этом работайте и в других направлениях. Ищите, парни, ищите. Нам этот снайпер позарез нужен. – Он окинул пристальным взглядом подчиненных, выдержал небольшую паузу, а затем удивленно развел руками: – Я вот сейчас не понял, господа. Чего сидим-то? Рабочий день давно идет. Вы сюда штаны протирать приходите или с преступностью бороться? Свободны уже! Оба!

Сыщики поднялись из-за стола и покинули кабинет Орлова. При этом на выходе Крячко снисходительно похлопал напарника по плечу:

– Погрузиться в себя и как следует подумать – иногда бывает очень полезно.

– Я рад, что ты усвоил такую простую истину, Стас. Растешь. Так и до генерала недалеко, – усмехнулся Гуров, но уже через секунду снова сделался серьезным: – Ладно. Пошли, навестим нашего художника и проверим твою наблюдательность.

– Ты че творишь, Пикассо? Ну, где ты в жизни видел такие брови? Или ты думаешь, что мы Брежнева ловим?

С каждой минутой Крячко заводился все больше и больше. Составление фоторобота при помощи специальной компьютерной программы длилось уже больше часа, а все, что сумел предложить штатный художник, – это овал лица и прическу искомого человека. Да и то Станислав не был уверен на сто процентов, что эти параметры совпадали.

Гуров уехал пятнадцать минут назад, оставив напарника наедине с запуганным им молодым рыжеволосым парнишкой. «Художник» и сам нервничал, постоянно теребя пальцами свою и без того взлохмаченную огненную шевелюру. Круглые очки съехали на кончик носа, по вискам стекали капли пота. Полковник все время менял свои показания, путался в них и беспрерывно курил. Кабинет уже полностью окутали клубы сизого дыма. По мнению рыжеволосого специалиста, полковник Крячко был худшим из свидетелей, с которыми ему приходилось иметь дело. Однако перечить матерому оперативнику и открыто выражать недовольство его действиями паренек не решался, мог только мужественно терпеть. Низко склонившись над компьютером, он вновь забарабанил пальцами по клавиатуре.

– Во-во, уже лучше. – Крячко склонил голову набок, всматриваясь в картинку на экране. – Можешь, если захочешь, Рембрандт. Слегка изогни их. Да не так же сильно! Твою мать! Я же сказал тебе, что это мужик, а ты какие-то бабьи брови рисуешь.

– Это варианты, товарищ полковник, – осторожно высказался рыжеволосый. – Компьютер выдает максимум, а затем начинает сужать поиск.

– Мне не нужны варианты, старлей. Мне нужен нормальный фоторобот. Чтобы я глянул на него и сразу узнал того парня из ресторана.

– Я пытаюсь...

– Пытайся лучше. Стоп! Вот такие брови оставь!

– Точно?

– Вроде точно. Давай глаза подбирать. Сразу говорю, они у него большие были, навывате. Я глаза его сразу запомнил.

– Так, может, с них и надо было начинать?

Свободной рукой парнишка выудил из нагрудного кармана рубашки носовой платок, вытер им виски и затолкал платок обратно.

– Ты еще поучи меня, Айвазовский! Рисуй давай... Вот че ты творишь? Я ведь сказал – большие глаза у него были. И карие.

– Про цвет вы ничего не говорили, товарищ полковник. Карие сделать?

– Не. Давай зеленые. Попробуем. Во, отлично! А если синие? Тоже красиво. Но у него все-таки карие были, – определился для себя Крячко. – Верни карие и сделай их чуть навывате. Пойдет... Но брови – ни к черту, не такие у него были. Стирай брови! Эх, жаль, я сам не художник! Я бы этого типа сразу наваял. Он же у меня перед глазами как живой стоит. Вернее, сидит. За столиком... А ты только портишь все время, старлей...

Парнишка распрямился, поправил очки и вдруг произнес:

– Разрешите внести предложение, товарищ полковник.

– Валяй!

– Может быть, вам и в самом деле лучше самому составить портрет?

Крячко развернулся в его сторону и суровым пристальным взглядом смерил рыжеволосого с головы до ног, отчего тот еще больше съежился. В какой-то момент пареньку показалось,

что Крячко сейчас стукнет его по лицу. На всякий случай он слегка отодвинулся от компьютера вместе со стулом.

– Это ты сейчас, типа, пошутил, старлей? Да?

– Никак нет, товарищ полковник.

– Я же сказал тебе, что я не художник...

– Но тут нет ничего сложного, – быстро затараторил штатный специалист. – Вот смотрите. Тут глаза, тут носы, тут уши... И так далее. Я запущу автоматический поиск. Компьютер сам подбирает варианты. Вам нужно только следить за его действиями и в нужный момент остановить. Вот этой клавишей. Если вариант не точный, запускаете программу исправления. Вот здесь. В базе заложены все возможные виды частей лица. Одним словом, я хочу сказать, что компьютер все сделает за вас. А раз вы знаете, как выглядит искомый субъект...

– Я-то знаю... – буркнул Крячко. – Ладно. Давай попробую. А ты покури пока, да Винчи.

– Я не курю, товарищ полковник. – Паренек радостно уступил Станиславу свое место за клавиатурой.

– Ну, кофе попей.

– Это с удовольствием. А то уже глаза устали...

– И мне сварю чашечку, – распорядился Крячко.

– Есть, товарищ полковник. Только сварить не смогу... У меня растворимый. В пакетиках...

– Без разницы. Сделай мне двойной. И сахару не жалея.

Крячко уже погрузился в работу, глядя на меняющиеся картинки и что-то неразборчиво комментируя себе под нос. Старший лейтенант на цыпочках покинул помещение. Торопиться с возвращением в общество полковника он не стал. Благо разумно отсутствовал минут сорок, а когда вернулся, Крячко все еще корпел над портретом подозреваемого. Хотя прогресс был налицо как в прямом, так и в переносном смысле. У портрета успели появиться глаза, нос, рот... Для завершения не хватало только ушей. Станислав как раз был занят их подборкой, то и дело останавливая клавишей процесс автоматического поиска, нецензурно выражался и запускал программу по новой. Старлей тихонько вздохнул, бесшумно приблизился к столу и поставил перед полковником большую кружку с дымящимся кофе. Крячко машинально сделал глоток, поморщился, закурил сигарету. Очередная остановка программы поиска привела к тому, что у искомого персонажа появились острые эльфийские уши. Крячко опять матюгнулся, а рыжеволосый парнишка, с трудом сдерживая улыбку, бросил взгляд на наручные часы.

– А может так быть, что у него ушей совсем не было? – высказал предположение Крячко. – Че-то я их не припоминаю.

– Маловероятно, товарищ полковник.

– Но не исключено? Да?

Стас сделал еще глоток кофе и вновь запустил программу. В дверь тихонько постучали, и в проеме появилась голова лейтенанта Конева.

– Товарищ полковник? – негромко окликнул он Крячко.

– Я занят, – не оборачиваясь, ответил Станислав. – Чего тебе?

Рыжеволосый испуганно замахал на Конева руками, дескать, уходи, но лейтенант не подчинился.

– Звонил человек из «Роскомспорта». Спрашивал либо вас, либо полковника Гурова.

– Чего хотел?

– Мне он не сказал. Но просил передать, что это срочно.

– Оставил номер телефона?

– Так точно.

– Хорошо, – кивнул Крячко. – Как освобожусь, перезвоню. Положи номер мне на рабочий стол. И не мешай. Разве не видишь, что я в процессе творчества, лейтенант? Как по-твоему,

что бы чувствовал Рафаэль, если бы его все время дергали по пустякам во время работы? Какое может быть дело Рафаэлю до «Роскомспорта»?

– Не могу знать, товарищ полковник, – улыбнулся Конев. – Извините.

Он уже хотел ретироваться, но Крячко остановил его:

– погоди, лейтенант! – Программа поиска вновь была остановлена. Станислав вгляделся в изображение на экране, хмыкнул и задумчиво поскреб пальцами подбородок. – Вот сейчас вроде он. Вне всяких сомнений. Но чего-то не хватает... Как будто какой-то детальки. Вроде бы незначительной, но... И он, и не он... Как думаешь, Дали? Глянь-ка!

Рыжеволосый приблизился, уже прекрасно понимая, что полковник обращается именно к нему.

– Скул не хватает, товарищ полковник, – профессиональным взглядом определил он.

– А должны быть?

– По идее, должны. У всех есть скулы. У кого-то широкие, у кого-то узкие, но они есть.

– Ну-ка, добавь.

– Какие?

– Давай широкие. Но не очень. Так, чтобы подбородок не изменился. Подбородок точно его. Стоп! В самый раз! А можно чуть-чуть небритости ему добавить? Совсем влегкую?

– Можно, конечно.

Парнишка нажал всего две клавиши. Глаза Крячко азартно блеснули.

– Во черт! Вылитый он! Клянусь полковником Гуровым! – Станислав поднялся на ноги, шумно сдвинув стул. – Учись, Кандинский. Вот что такое искусство! Если человек талантлив, он талантлив во всем. Это я про себя. Так что, если тебе нарисовать что нужно будет, ты меня зови.

– Хорошо, товарищ полковник, – кивнул парнишка, предпочитая не спорить с Крячко.

– Распечатайте фоторобот и раздайте всем оперативникам, – распорядился Станислав. – Электронную копию отправь на мой компьютер. Конев, проконтролируй, чтобы субъект поступил в розыск немедленно.

Глава 2

Зеленский, не говоря ни слова, ни о чем не спрашивая и даже не здороваясь, пропустил Гурова в дом, равнодушно мазнул взглядом по лицу визитера и нетвердой походкой двинулся обратно в кухню.

– Андрей Павлович! – окликнул его полковник.

Зеленский не обернулся. Гуров постоял на пороге пару секунд, затем разулся, снял пальто и, повесив его на вешалку, последовал за хозяином дома. Директор крупной мебельной фабрики сидел за круглым столом, низко опустив голову. Перед ним стояли почти пустая бутылка водки, банка маринованных огурцов заводского производства и набитая до краев окурками пепельница. Ничего больше на столе не было. Догадаться, что Зеленский пьян, большого труда не составляло. Для этого даже необязательно было быть сыщиком с многолетним стажем.

Полковник разместился на свободном стуле.

– Андрей Павлович, моя фамилия Гуров, – представился он, тщетно пытаясь привлечь внимание Зеленского к своей персоне. – Полковник Гуров. Я из Главного управления уголовного розыска. Расследую убийство вашей дочери... Марии Зеленской. Я полагаю, что вам...

– А зачем?

Мужчина слегка приподнял голову, но его блуждающий взгляд был обращен не на полковника, а в пустоту.

– Простите, – не понял Гуров. – Что зачем?

– Зачем его расследовать? – Зеленский потянулся к бутылке и сделал внушительный глоток прямо из горлышка. Сунул огромную руку с густыми волосами на фалангах пальцев в банку с огурцами, с трудом выловил один огурец и откусил от него добрую половину. Вторую положил на стол. – Маша ведь уже умерла... Верно? Какой толк расследовать ее убийство? Кому от этого польза? А? Ее ведь это уже не вернет...

– Не вернет, – вынужден был согласиться Гуров. – Но правосудие...

– К черту правосудие! – Зеленский откинулся на спинку стула и запрокинул голову. Его большой кадык дважды дернулся. – Я собирался сегодня в деловую поездку. В Питер. Намечалась крупная сделка. Слияние предприятий... Для меня это было очень важно. Я ждал этого события почти полгода. Волновался вчера вечером, как мальчишка. Долго не мог заснуть. И так, и эдак прокручивал в голове предстоящие переговоры... Планировал, как выгадать для себя побольше... Не помню точно, во сколько мне все же удалось уснуть. Где-то около двух, наверное, не раньше... А в пять утра меня разбудил телефонный звонок. Позвонил кто-то из ваших и сообщил, что моя дочь мертва. Убита... Сухо так сообщил, формально. Словно речь шла о скидках на говядину в соседнем супермаркете. Я понимаю... Для этого человека Маша – никто, жертва. Как и для вас, я полагаю. – Директор фабрики «Андерзел» вновь облокотился на стол и попытался поймать в фокус лицо сыщика. – Я никого не осуждаю. Боже упаси! Это нормально. У каждого своя работа. Только вот я... Для меня... – Он не смог подобрать нужных слов, чтобы закончить предложение. Сделал еще один глоток из бутылки, осушив ее при этом до дна, и забросил в рот остатки маринованного огурца. – Я так же сухо поблагодарил звонившего за информацию, положил трубку, принял душ, достал из холодильника водки, выпил сразу пару стаканов, и только тогда до меня дошло... Дошло, что ничего больше нет. Ни сделки в Питере, ни финансовых выгод, ни моей фабрики, которой я так гордился, ни будущего, ни прошлого, ни настоящего... Ничего нет. Пустота. Весь мир вокруг погрузился в пустоту. Одновременно... Все закончилось.

Широким движением руки Зеленский смахнул со стола пустую бутылку. Она приземлилась на пол возле батареи и со звоном разлетелась вдребезги. Андрей Павлович поднялся на ноги, обвел мутным взглядом помещение и направился к холодильнику.

Гуров хранил молчание. Ему уже не раз по долгу службы приходилось сталкиваться с подобным поведением людей, потерявших близких. И слова утешения тут не действовали. Тут ничего не действовало, кроме времени – беспощадного монстра, равнодушно сжиравшего и перемалывающего все, что попадалось на его пути.

Зеленский достал из холодильника новую бутылку водки и вернулся к столу. Долго возился с пробкой.

– Когда шесть лет назад моя жена умерла от рака, я чуть не сошел с ума, – признался он. – Готов был биться головой о стену. И тоже много пил... Но тогда я справился. Ради Маши. Я понял, что должен справиться ради нее. А теперь... Ради кого?.. Ради чего?.. Хотите водки? – предложил Зеленский, сумев все-таки откупорить бутылку.

– Нет. Спасибо, – отказался полковник. – Я на службе.

– Понимаю. А денег?

– Что?

– Хотите денег?

– Каких денег? За что?

– Да просто так. Ни за что. У меня их много... Очень. Всю жизнь работал, крутился, шел на различные ухищрения, на обман... Даже мошенничать приходилось. Могу предоставить вам всю информацию. – Зеленский пьяно ухмыльнулся. – Меня есть за что посадить... Я считал, что это самое важное – скопить много денег. Я хотел обеспечить детей, внуков, правнуков... А теперь... Куда их теперь? Я за всю жизнь не смогу истратить их все.

По его щекам потекли слезы. Медленно. Беззвучно. Продолжая обнимать бутылку водки, он баюкал ее, как маленького ребенка.

– Вы меня простите, Андрей Павлович, – откашлялся сыщик, – я понимаю ваше нынешнее состояние, но мне необходимо задать вам несколько вопросов.

– Задавайте... Раз нужно...

– У вашей дочери были враги? Или недоброжелатели? Может, имели место какие-то конфликтные ситуации в последнее время?

Зеленский даже не стал раздумывать над вопросом.

– Я не знаю. Мы очень мало общались. К сожалению... Особенно в последнее время. Я постоянно был поглощен своими делами, бизнесом... А Маша... Она стала жить своей жизнью, которую я не одобрял. Вы ведь уже знаете?.. В курсе, что она была лесбиянкой?

– Ну...

– Значит, в курсе, – констатировал Зеленский, ни на секунду не выпуская из рук бутылку. – Я не знаю, как так случилось и почему в какой-то момент Маша стала увлекаться девочками... Может быть, в этом была моя вина, недоглядел. Но, так или иначе, это случилось... Я пытался что-то изменить, перенастроить ее как-то, но все наши разговоры кончались только скандалами. Она выбрала свой образ жизни. И что такого?.. Теперь я согласен на все. Пусть бы спала с кем хотела... А так... Получается, она ушла из жизни, ненавидя меня. Если бы я только знал... А насчет врагов или недоброжелателей я действительно ничего не знаю. Такой вот я хреновый отец. Вернее, был им... Вам лучше спросить об этом подруг, с которыми Маша спала. Им она доверяла больше, чем мне.

– Подруг? – переспросил Гуров. – У Марии была не одна девушка, с которой она состояла в интимной связи?

– Насколько я знаю, да, – равнодушно ответил Зеленский. – У них в клубе это было нормой. Что она и пыталась мне каждый раз доказать.

– Вы имеете в виду биатлонный клуб, за который она выступала? «Нерпу»?

– Названия я не знаю. За все время я ни разу не посетил ни одной ее гонки... – Зеленский с досадой ударил себя кулаком по лбу. – Если бы можно было все вернуть... Если бы...

– Андрей Павлович, а это не могло быть связано с вашим бизнесом? – осторожно поинтересовался полковник. – Вы не допускаете такой мысли?

– Что связано?

– Убийство вашей дочери.

– Каким образом?

– Ну... Возможно, это ваши недоброжелатели или конкуренты хотели таким образом нанести урон лично вам. Мне приходилось сталкиваться с подобными случаями.

Впервые за все время их разговора в глазах Зеленского мелькнуло что-то осмысленное. Слова сыщика заставили его призадуматься. Он снова потянулся к бутылке, но передумал. Лицо его сделалось злым, и он тихо проговорил:

– Такой вариант не приходил мне в голову. Вы считаете?..

– Я ничего не считаю, – поспешно перебил собеседника Гуров, – я могу только предполагать. И подобной возможности не исключаю. Но это всего лишь версия. Я понимаю, что вам сейчас сложно собраться с мыслями... Сразу после трагедии... Давайте поступим так. – Полковник достал из кармана блокнот, вырвал из него один лист и написал на нем несколько цифр. – Это мой номер телефона. Мобильный. Так что звонить можете в любое время. Если что-то вспомните или у вас появятся какие-то подозрения – сообщите мне.

Сыщик положил листок на стол, но Зеленский к нему не притронулся. Похлопал себя по карманам в поисках сигарет, ничего не обнаружил и взял из пепельницы один из смятых окурков. Расправил его, пристроил во рту.

– У вас нет спичек?

– Извините, не курю. – Гуров поднялся, собираясь уходить, но вдруг остановился посредине комнаты и обратился к Зеленскому: – Кстати, Андрей Павлович, имя и фамилия Виктора Церепко вам ни о чем не говорит?

– Нет, – ответил тот и выплюнул окурочек на пол. – А кто это?

– Банкир. Возможно, вы имели с ним какие-то общие дела. Или с его банком...

– Я никогда не имел дел с российскими банками, – презрительно поморщился директор фабрики. – Мне всегда казалось это слишком ненадежным. А фамилию, которую вы назвали, я никогда прежде не слышал.

– А фамилию Столяров? Геннадий Столяров.

– Тоже не слышал, – отрицательно покачал головой Зеленский. – Еще один банкир?

– Нет. – Гуров протянул руку для пожатия, но хозяин дома никак не отреагировал на этот жест. Скорее всего он его просто и не заметил. Все внимание Зеленского вновь сосредоточилось на бутылке. – А номер моего телефона вы все же не выкидывайте, Андрей Павлович, – добавил сыщик. – Любая информация может оказаться полезной в расследовании.

Понимая, что до выхода его провожать никто не собирается, он развернулся и вышел из комнаты.

Мне не нравится этот долгий и пристальный взгляд. Он не предвещает ничего хорошего. Знаю по предыдущему опыту наших встреч. У сидящего напротив человека – два состояния. Либо он доволен и тогда может часами заливаться, как курский соловей, на любую, даже самую отвлеченную тему. Либо он не в духе и старается показать это длинными, ничем не оправданными театральными паузами, полными напряженного драматизма.

Урод! Ну и черт с ним! Пусть говорит и делает что хочет. Сделанного уже не вернешь. С того света не возвращаются.

– Ответь мне на один вопрос. – Он неторопливо распечатывает пачку жвачки. – Всего лишь на один. Хорошо?

Я коротко киваю в ответ. Вполне стандартное для него начало.

– Я не буду учинять длинных допросов или читать тебе лекции... Это ни к чему. Верно? Мы оба уже взрослые люди. Но не задать один-единственный вопрос я не могу. Не имею права. Он просто напрашивается сам собой. Извини... Один? Хорошо?

Я снова киваю. Он выдерживает паузу. Отправляет в рот тонкую пластинку жевательной резинки – он любит, чтобы изо рта приятно пахло, и старательно следит за этим, – и спрашивает:

– Какого хрена?

Мне нечего ответить, и я предпочитаю сохранять молчание. Тем более когда вопрос поставлен в такой грубой форме. Если он хочет нормального человеческого общения, то пусть выражается прилично. Терпеть не могу быдла.

Он понимает свою оплошность и согласно кивает головой:

– Хорошо. Я перефразирую... Зачем? ЗАЧЕМ это нужно было делать?

– Она заслужила. И ты прекрасно об этом знаешь.

– Знаю. – Он коротко оглядывается через плечо и понижает голос до шепота, хотя рядом с нами никого нет. Даже соседние скамейки опустели, едва из тоннеля вынырнул «нос» электрички. Многочисленные пользователи метрополитена дружной толпой двинулись на посадку. Все, кроме нас двоих. – И полностью с тобой согласен. Зеленскую необходимо было ликвидировать. И мы обязательно сделали бы это, но не сейчас, а чуть позже. Всему свое время. Пойми! Я контролирую ситуацию. И самое главное... Ее ликвидация должна была пройти иным способом. В нее нельзя было стрелять из снайперской винтовки. Ни в коем случае.

– Почему?

Я знаю ответ на этот вопрос. Слабоумием я, слава богу, не страдаю. И даже прекрасно понимаю всю логику выдвигаемых им претензий. Понимаю, что он прав. На все сто процентов. «Косяк» на мне. И, может быть, даже «косяк» фатальный, способный создать необратимые для всех нас последствия... Но молчать тоже было бы глупо. Нужно как-то оправдываться, «прикинуться илангом» и попытаться «разрулить» ситуацию. Я прекрасно осознаю тот факт, что в случае крайней необходимости для него не составит труда пустить меня в расход. Он уже делал это прежде. И совесть его не мучает. Для него это так же просто, как жевать резинку. Он всегда знает что делает.

– Ты сейчас издеваешься? – Он с явной неохотой поворачивает голову в мою сторону. – Зеленская – биатлонистка, человек, имеющий самое непосредственное отношение к стрелковому оружию. И такого человека убивают из снайперской винтовки. Ты думаешь, легавые – совсем дураки, не сумеют сложить два плюс два? Сумеют. Поверь мне, сумеют. А ведь нам до сих пор удавалось все делать так, чтобы у них не было в этом деле ни единой зацепки.

– Эта зацепка слишком слабая. На ней нельзя ничего построить.

– Да ну! – Он не пытается скрыть язвительных интонаций. – С чего такая уверенность? Знаешь, в чем моя сила?

Вопрос риторический, не требующий ответа. Я знаю, что он сам ответит на него через пару секунд. Так и происходит.

– Я никогда никого не считаю глупее себя. Поэтому в отличие от многих других я до сих пор жив и нахожусь на свободе. А те, кто игнорирует это правило...

– Все ясно. – Я отваживаюсь на то, чтобы не дать ему раздухариться. В противном случае встреча рискует затянуться надолго. – Но изменить-то я уже ничего не могу. Давай будем откровенны друг с другом, не станем ходить вокруг да около. Только по существу... Я не жалею о содеянном. Зеленская получила свое. И неважно, кто и как это сделал. Уже неважно... Вопрос в том, что дальше? Есть какие-то конкретные пожелания?

На некоторое время он вновь погружается в молчание. С разных сторон на станцию снова начинает стягиваться народ. Скамейку слева от нас занимают две пожилые дамы с набитыми продуктами сумками. Скамейка справа пока пуста.

– Я постараюсь разобраться с этим, – продолжает он. – Пока еще не знаю как, но постараюсь. Как много известно Сергею?

– Он считает, что приказ исходил от тебя.

– Твою мать! – невольно срывается с его уст. – То есть ты творишь что хочешь? Я правильно понимаю? Выстрел по биатлонистке из снайперской винтовки, человек из управления уголовного розыска в зале ресторана, дезинформация подельника... Что еще в этом списке?

– Больше ничего. И я даю слово, что подобного больше не повторится. Никаких действий за твоей спиной.

– Надеюсь на это. – Мне кажется, что на долю секунды в его глазах метнулись искры. – Я не стану работать с человеком, который действует на свой страх и риск. Я предупреждал тебя об этом с самого начала.

– Да. Я помню.

– Так вот, к такой схеме давай и вернемся. Ты – исполнитель, я – заказчик. Никакой самостоятельности! Никаких действий без моего ведома.

– Договорились. Расходимся? Или есть что-то еще?

Он вздыхает. Такое с ним случается нечасто. Проявление эмоций, как правило, ему чуждо. Любых эмоций. Но сегодня... Сегодня мне, кажется, удалось выбить его из привычного равновесия. Пусть и ненадолго, но удалось.

– Расходимся.

Он первым поднимается со скамейки и, не оглядываясь, уходит. Я не смотрю в его сторону. Продолжаю сидеть, словно ожидая прибытия очередного состава. В правом кармане начинает звонить телефон, но я не обращаю на него внимания. Говорить с кем-либо сейчас не хочется. Мне нужно время, чтобы перестроиться.

Тоннель метро освещается фарами, и через секунду на станцию врывается грохочущий состав. Народ толпой устремляется к вагонам. Я не тороплюсь. Спокойно поднимаюсь, направляюсь к ближайшим дверям и захожу внутрь. Двери плавно закрываются за мной. Состав трогается с места.

Небольшой скромненький стадион подмосковного клуба «Нерпа», рассчитанный максимум на три тысячи зрителей, в этот день выглядел особенно уныло. Пробные забеги в условиях, приближенных к соревновательным, – это далеко не то же самое, что сами соревнования. Даже на клубном уровне. На крытых трибунах можно было насчитать от силы сто человек. Родственники и друзья спортсменов, а также особо преданные клубу фанаты. На протяжении трассы, демонстрируемой на огромном подвешенном экране, болельщиков и вовсе не наблюдалось. Там присутствовали только представители руководства клуба и тренерского штаба. Да и то в единичных экземплярах.

Наблюдая за стартом шестнадцати участниц забега, Гуров зябко поежился и поднял воротник пальто. Погода сегодня выдалась морозная, утром термометр зафиксировал отметку –23°. Полковник успел неоднократно пожалеть о том, что не захватил из дома шапку. Густая шевелюра несильно спасала положение.

Биатлонистки синхронно сорвались с места, энергично отталкиваясь палками от покрытого коркой снежного наста. Девушка под номером «шесть», с выбившимися из-под облегающей красной шапочки светлыми прямыми волосами, сразу оторвалась от общего пелетона метров на триста, но через пару секунд нагнавшая ее невысокая миниатюрная одноклубница под одиннадцатым номером пристроилась лидеру в хвост. Она не пыталась ее обогнать, но и не отставала ни на сантиметр, выдерживая дистанцию. Вероника Калинина с белой повязкой

на лбу оказалась третьей. Все остальные потянулись за ней. Пройдя под трибунами, девушки дружной толпой миновали стрельбище и вырвались на трассу. Некоторое время Гуров мог видеть только их удаляющиеся спины, но вскоре и они скрылись за поворотом. Стартовая поляна опустела.

– Ах ты! – досадливо воскликнул Крячко, опускаясь на место рядом с напарником. Он с трудом удерживал в руках четыре ход-дога и два бумажных стаканчика с горячим чаем. Один Станислав сразу передал Гурову. – Я пропустил старт? Вот ведь... Жаль... Очень хотел посмотреть. Для меня этот вид спорта в новинку. Никогда раньше не видел, ни вживую, ни по телевизору... А все этот лысый в очереди передо мной. Набирал жратвы так, словно собирался наесться последний раз в жизни. Если бы не он, я бы успел.

– Ты, я вижу, тоже не стал ограничиваться калориями, – улыбнулся Гуров.

– Ты про хот-доги? – Крячко откусил добрую половину одного из них, остальные сложил на коленях. – Так это не еда. Чего тут есть? Два укуса, и все... Легкая закуска. С тобой поделиться?

– Нет, спасибо, – отказался Лев. – Я не голоден. Ешь на здоровье. Где Конев?

– Я отправил его пообщаться с владельцем клуба, – ответил Станислав с набитым ртом. Прожевав хот-дог, он сделал глоток чая. – Велел прижать его по полной. Если и есть какая-то отдаленная связь между Зеленской и двумя предыдущими жертвами, лейтенант это выяснит. Он – парень дотошный. И перспективный, кстати. Обрати внимание, Лева... Конев может вырасти в первоклассного опера. Не хуже, чем мы с тобой.

– Я уже это заметил. А чего ты сам не пошел допрашивать владельца клуба?

– Шутишь? – Крячко расправился с первым хот-догом и тут же потянулся за вторым. – Я не мог отказать себе в удовольствии полюбоваться шестнадцатью лесбиянками в облегающих костюмчиках. Такого ни в одном порно не увидишь...

– Ну, не факт, что все они – лесбиянки, Стас, – безжалостно разочаровал напарника Гуров. – Это только слова Андрея Зеленского.

– Даже если половина из них окажется лесбиянками – уже приятно, – беспечно махнул рукой Крячко. – Когда они, кстати, вернутся на стадион?

– Я не большой знаток биатлона, чем ты. Но если все правильно понял, их дважды покажут вон на том большом экране во время пересечения контрольных отметок. А потом они вернутся на стадион. На стрельбище. Отстреляют и еще на круг. И так четыре раза.

– Нормально, – удовлетворенно кивнул Крячко. – Мне уже нравится. Женщины с оружием, причем не равнодушные к женщинам... Что может быть лучше? Они не целуются друг с другом после каждого удачного попадания по мишени?

– Маловероятно. Это же все-таки спорт, а не шоу.

– Жаль. Было бы неплохо ввести такое правило. – Станислав благополучно умял второй хот-дог. – А что? Было бы красиво, зрелищно и привлекло бы больше поклонников к данному виду спорта.

– Не все такие озабоченные, как ты, Стас, – парировал Гуров.

– Да ладно. Я – не озабоченный, я исключительно ради эстетики. К твоему сведению, старик, для меня это не больше, чем зрелище. У меня есть девушка. И не просто девушка, а та девушка, на которой я намерен остановиться.

– Я слышал это уже много-много раз, – саркастично отреагировал Гуров.

На большом экране появились биатлонистки, табло рядом фиксировало время их прохождения контрольной отметки. Шестой номер по-прежнему шел первым, за ним – одиннадцатый. Разрыв между ними составлял чуть меньше двух секунд. Калинина, на груди и на спине которой красовался номер «один», немного отстала, где-то секунд на семь. Весь остальной пелетон уступал ей еще десять. Участницы заметно растянулись. Последней шла девушка

под номером «восемь». После контрольной отметки спортсменки двинулись в крутой подъем, широко работая ногами.

– Красиво, – прищелкнув языком, прокомментировал Крячко. – Надо как-нибудь обязательно глянуть по телевизору выступление сборной.

Спортсменки скрылись с экрана. До следующей контрольной отметки.

И тут Гуров заметил на входе мужчину среднего роста в теплой кожаной куртке с отложным меховым воротником и норковой шапке, залихватски сдвинутой на затылок. Он остановился на уровне верхнего ряда трибун и, заложив руки в карманы, пристально огляделся по сторонам. Причем его не интересовала ни стартовая поляна, ни подвешенный наверху экран. Мужчина скользил взглядом по зрительским местам. Встретившись взглядом с Гуровым, он решительно направился в сторону сыщиков. Приблизившись к ним, слегка поправил норковую шапку, широко улыбнулся и протянул руку для приветствия:

– Добрый день. Полковник Гуров и полковник Крячко, если не ошибаюсь? Моя фамилия – Шостиков. Константин Александрович. Я представляю службу безопасности «Роскомспорта». Попытка дозвониться до вас в Главное управление, но так и не смог. Во время последнего звонка мне сообщили, что вы отправились сюда.

Гуров привстал с кресла и обменялся с Шостиковым крепким рукопожатием. Крячко вытер руку салфеткой и тоже пожал сухопарую кисть Константина Александровича.

– Да мы, знаете ли, все время в работе. В движении. Нас сложно поймать на одном месте.

– Но мне это все-таки удалось. – Шостиков оценил стоящий на сиденье стакан с чаем, который Крячко явно не собирался убирать, протиснулся мимо сыщиков и занял пустое место слева от Гурова. – И я очень рад знакомству. Мы с вами занимаемся одним расследованием. Руководство поручило мне разобраться в скоропостижной смерти одной из российских спортсменок. Я имею в виду Марию Зеленскую, как вы, вероятно, уже и сами поняли.

– Да, мы поняли. – Гуров развернулся лицом к собеседнику и пристально смотрел ему в глаза: – Только это не просто смерть, Константин Александрович. Это убийство. Давайте будем называть вещи своими именами.

– Да-да, конечно. – Шостиков снова сдвинул шапку на затылок. – Я не имел в виду ничего такого... Но в нашей среде убийство – явление редкое. И вопиющее... Мне приходилось распутывать разные дела, но убийство... Такое в моей карьере случается нечасто.

– Но случается? – живо ухватился за слова Гуров.

Биатлонистки появились на стадионе и поглотили все внимание Крячко. Участница под номером «одиннадцать» сумела-таки обойти свою товарку под номером «шесть» и первой закатилась на стрельбище. Подъехала к крайнему коврику, ловко сбросила со спины винтовку и легла на живот, широко разведя ноги в стороны. Станислав невольно подался вперед. «Шестерка» заняла место на соседнем коврике точно в таком же положении.

– Убийства везде случаются, Лев Иванович, – со вздохом ответил Шостиков. Он теперь тоже наблюдал за происходящим на стрельбище. – К сожалению... И спорт – не исключение из правил. Так что вы совершенно напрасно ищете в моих словах какой-то подвох.

– Я не ищу никакого подвоха.

Номер «одиннадцать» и номер «шесть» начали стрельбу по мишеням практически одновременно. Вероника Калинина к этому моменту только еще занимала свое место на коврике. Остальные тринадцать участниц вкатывались на стрельбище.

Девушка под номером «одиннадцать» третьим выстрелом промахнулась. Центральный черный «глазок» мишени на ее стенде остался незакрытым. Номер «шесть» отстрелялась быстро и точно. Без единого промаха. И затратила на все пять выстрелов не более четырех секунд.

– Хороша, – прокомментировал ее действия Шостиков. – Ну, ведь чудо как хороша, согласитесь! Скорость, конечно, не ее конек, но стрельба... безупречна. Я сколько смотрю, ни разу не видел ни одного промаха в исполнении Кеплер.

– Кого?

– Блондинка. В красной шапочке. Номер «шесть», – пояснил Шостиков. – Это Анна Кеплер.

Калинина произвела первый выстрел, а две ее соперницы уже покидали стрельбище, синхронно закинув винтовки за спину. Вот только побежали они в разные стороны. Анна Кеплер двинулась дальше по трассе, мощно отталкиваясь палками, а девушка под номером «одиннадцать» покатила на штрафной круг.

– Она не русская? – подал голос Крячко.

– Наполовину. Мать – русская, отец – немец. Анна родилась в Германии, но они всей семьей перебрались в Россию, когда ей было одиннадцать. Отца позвали тренером в один из российских клубов. Он и сам в прошлом биатлонист, но травмированный...

– И до сих пор тренирует? – спросил Гуров.

Калинина тоже отстрелялась без промахов, но вела огонь не так быстро, как две предыдущие спортсменки. За это время одиннадцатый номер уже успела пробежать свой штрафной круг и покинула стадион одновременно с Вероникой. Табло зафиксировало, что их отставание от лидирующей Анны Кеплер теперь составляло восемнадцать секунд. Остальные девушки еще вели стрельбу на огневом рубеже. И почти никто из них не обошелся без промахов. За редкими исключениями.

– Уже нет, – сказал Шостиков, отвечая на последний вопрос сыщика. – С тренерской работой у Арта Кеплера как-то в России не заладилось. Он сменил три клуба, прежде чем его вообще перестали куда-либо приглашать. Но он остался в системе. Работает сейчас селекционером в Самарской области. Отслеживает перспективные кадры в детско-юношеских школах. А у Анны в результате два гражданства, наше и немецкое. Но... – Константин Александрович тяжело вздохнул. – Девушка, к сожалению, уже заиграна за юниорскую сборную бундесманша... Мы пытаемся решить этот вопрос, но пока безуспешно...

– Хорошая спортсменка?

– Да. Перспективная. Ну, вы же сами видели ее стрельбу. – Шостиков впервые за время разговора вынул из карманов руки, и Гуров невольно обратил внимание на его тонкие, длинные, как у пианиста, пальцы. Отметил сыщик и отсутствие обручального кольца на безымянном пальце правой руки. – Кеплер выиграет сегодняшнюю гонку. Без вопросов. Калинина и Ломова разыграют между собой второе место. Все будет зависеть от стрельбы Вероники. Ногами-то Ломова побыстрее, но раз или два может промахнуться. Стало быть, Калинина при точной стрельбе финиширует второй. Но при любом раскладе Кеплер уже не позволит ни одной из них отыграть гандикап в восемнадцать секунд. Если только увеличит...

– А если бы Зеленская принимала участие в сегодняшнем старте?

– Тут другой коленкор, – пожал плечами Шостиков. – Мария не всегда была точна на рубежах. Но пара промахов не помешали бы ей обыграть «ногами» Кеплер. На лыжне Зеленская была самая быстрая. А это большое дело... Подтянуть качество стрельбы всегда можно, а скорость... С этим сложнее. Она либо есть от природы, либо нет.

– То есть сегодня выиграла бы Зеленская?

– Скорее всего да.

Некоторые из участниц гонки еще завершали штрафные круги, а лидеры уже появились на мониторе, проходя контрольную отсечку. Между Анной Кеплер и двумя ее преследовательницами, как и предсказывал Шостиков, разрыв в восемнадцать секунд остался неизменным. Но при этом Ломова на три секунды успела обойти Калинину.

– Что и требовалось доказать, – разводя руками, прокомментировал Константин Александрович.

– Какие отношения были между Кеплер и Зеленской? – спросил его Гуров.

Сотрудник службы безопасности «Роскомспорта» ответил не сразу. Некоторое время он молча наблюдал по экрану за тем, как остальные девушки проходят трассу. Полковник чувствовал, что собеседник намеренно тянет время. Подбирает слова.

– Хорошие, – сказал он наконец, но почти тут же сокрушенно покачал головой: – Ладно. Я не стану вводить вас в заблуждение, Лев Иванович. Тем более что, как я уже сказал, раскрытие этого преступления – наше с вами общее дело. Рано или поздно вы все равно узнаете... Или скорее всего уже знаете... В «Нерпе» процветают нетрадиционные сексуальные отношения. Этот факт даже и не скрывается. Внутренняя скрытая политика клуба основывается на сексизме. Причем в его извращенном понятии.

– Что это значит?

– Если в команду приходит девушка, которой нравятся представители противоположного пола, то надолго она не задерживается, – замаявшись, пояснил Шостиков. – Коллектив выживает ее. Любыми способами. Понимаете, что я хочу сказать? «Если ты – не лесбиянка, тебе здесь не место». Сейчас в «Нерпе» шестнадцать девушек, и я уверен, что хотя бы один раз каждая с каждой имела сексуальные отношения. У кого-то это заходит далеко, и даже возникают какие-то чувства, насколько мне известно. Для кого-то это просто развлечение... И к сожалению, я вынужден признать, что всю эту грязь изначально занесла в коллектив как раз Анна Кеплер.

– Ну, почему же грязь? – не согласился Крячко. – Если бы это был мужской коллектив...

– Стас! – недовольно осадил его Гуров.

Но Шостиков не оставил реплику второго сыщика без внимания.

– Все, что мешает грамотному и целенаправленному развитию российского спорта, полковник Крячко, – это грязь, – авторитетно заявил он. – А это определенно мешает. Подумайте сами, скольких талантливых биатлонисток, покинувших клуб на почве сексизма, недосчиталась «Нерпа» за последние годы. Тех, кого коллектив не принял потому, что они оказались... нормальными.

– А как на это смотрит руководство клуба? – спросил Гуров.

– Борется, конечно, но пока безуспешно.

Тем временем на огневом рубеже Анна Кеплер так же стремительно, как и в первый раз, закрыла все пять мишеней, демонстрируя великолепную скорострельность, и, не оглядываясь на партнерш, умчалась по дистанции. И Ломова, и Калинина тоже обошлись без промахов, но стреляли не так быстро. Обе провели на рубеже более десяти секунд, в результате чего их отставание от Кеплер увеличилось почти вдвое. Остальные участницы забега еще не появились на стадионе.

– Я бы хотел поговорить с ней, – сказал Гуров.

– С кем?

– С Анной Кеплер. Это можно устроить?

– Конечно, – кивнул Шостиков. – Если это поможет нашему общему делу... Я договорюсь. Вы сможете пообщаться с ней сразу после гонки.

Без спортивного комбинезона и винтовки за спиной Анна Кеплер совсем не была похожа на спортсменку. При встрече с этой девушкой ее можно было принять за кого угодно – за актрису, за официантку, за молодого врача... но точно не за спортсменку. Точеная стройная фигура, длинные ноги, прямые распущенные волосы цвета спелой кукурузы...

Когда сыщики появились в раздевалке, Анна как раз вышла из душа, обернутая в цветное махровое полотенце. Ее зеленые кошачьи глаза лишь на мгновение встретились с глазами визи-

теров, после чего она равнодушно отвернулась, прошествовала к сложенной аккуратной стопкой одежде и небрежно сбросила с себя полотенце. Крячко нервно сглотнул. Отвести взгляд от белоснежной гладкой спины и округлых ягодиц девушки было выше его сил. Гуров развернулся вполоборота и тактично кашлянул.

Анна натянула кружевные трусики и обернулась без всякого намека на смущение.

– В чем дело? – спокойно поинтересовалась она. – Кто вы? Мне передали, что у вас есть ко мне какие-то вопросы. Это так?

– Да, это так, Анна. – Гуров в отличие от напарника демонстративно смотрел в другую сторону. – Но, может быть, вы хотя бы оденетесь для начала?

– Я вас смущаю? – Девушка улыбнулась, села на низенькую скамейку и потянулась за бюстгалтером. – Бросьте, дяденьки! Не ведите себя так, словно никогда не видели женского тела. Вас ведь не шокирует вид обнаженных женских рук или шеи? Хотя лет сто назад это тоже считалось неприличным. Но времена идут, нравы меняются... Лично для меня все это вообще не имеет никакого значения. У меня нет комплексов.

– У меня тоже, – с улыбкой подхватил Крячко.

Но Анна отреагировала на слова полковника совсем не так, как он ожидал. Подняв на него глаза, она слегка нахмурилась и недовольно проговорила:

– Вы ко мне так клеитесь, дяденька? Я правильно понимаю? Напрасно. Не тратьте свое драгоценное время впустую. Мужчины меня не интересуют в принципе.

– Уже наслышаны, – буркнул себе под нос Станислав.

– Вы из полиции? – продолжая одеваться, спросила девушка.

– Уголовный розыск. – Заметив, что Анна уже успела облачиться в облегающие джинсы и даже накинуть на плечи блузку, Гуров все же позволил себе повернуться к собеседнице лицом и продемонстрировал удостоверение в раскрытом виде: – Полковник Гуров.

– Очень приятно. И что вам понадобилось от меня? Простите, но у меня очень мало времени. Минут через пять я должна быть в тренерской. Будет «разбор полетов». А потом сразу уезжаю. У меня встреча... Так что вы уж поскорее заканчивайте со своими комплексами и формальностями и переходите к сути дела. О'кей?

Гуров шагнул вперед, а Стас остался у него за спиной. То, как грубо и бесцеремонно отшила его Анна Кеплер, не вызвало у него желания продолжать с ней дискуссию.

– Мы расследуем убийство Марии Зеленской.

– Я слышала о случившемся, – кивнула Анна. – Но я тут при чем?

– Вы были хорошо знакомы?

– А сами-то как думаете? – усмехнулась биатлонистка. – Если мы четыре года за один клуб гонялись? Ежедневные тренировки, сборы, соревнования... Получается, да. Мы были хорошо знакомы. Или вас интересует что-то более личное? Интимное? – В глазах Кеплер появились игривые искорки. Она надела куртку и застегнула ее под горло. – Это тоже было. Но ничего серьезного. Покувыркались пару раз... Доставили, так сказать, друг другу удовольствие.

– Пару раз? – счел нужным уточнить Гуров.

– Не будьте таким дотошным, дяденька, – пожала плечами Анна. – Вы – не мой папочка. И даже не близкий родственник... Я не веду дневников или каких-либо строгих статистических записей. Это удел мужиков, а я выше этого... Но если вам так угодно, давайте предположим, что между мной и Машей это было раз пять. Или шесть. Исключительно в тех случаях, когда на сборах или региональных соревнованиях нас волей слепой жеребьевки селили в одну комнату. Вот этим все и ограничивалось... Так что, как видите, до статуса серьезных отношений наши связи явно не дотягивали. Достаточно исчерпывающий ответ?

– Вполне. А с кем из подруг у вас были серьезные отношения, как вы выражаетесь?

– А это тут при чем? – Почти на каждый вопрос сыщика Анна отвечала встречным вопросом. Элементарные навыки этикета ей были незнакомы. – Какое вам дело до моей личной жизни?

– Откровенно говоря, никакого, – миролюбиво произнес Гуров. – Но моя задача – максимально пролить свет на случившееся. Следовательно, мне необходимо знать как можно больше подробностей. Были ли у убитой Марии Зеленской недоброжелатели? Происходили ли какие-то конфликты в последнее время с ее участием? Здесь ведь, может быть, замешано и личное, Анна. А те пять-шесть раз, о которых вы упоминали, так или иначе переплетают вашу личную жизнь с жизнью Зеленской...

– Вы намекаете на то, что я могу быть причастна к ее убийству?

– Скажем так, я не исключаю такой возможности.

– Это полная чушь, дяденька! – презрительно фыркнула Кеплер. – Я – спортсменка, а не киллер.

– Вы – не просто спортсменка, – напомнил Гуров, – вы – биатлонистка, Анна. Человек, умеющий обращаться со стрелковым оружием. А к убийству Марии Зеленской был причастен снайпер.

Последняя фраза полковника повисла в воздухе. Кеплер не сразу нашлась с ответом, что, видимо, случалось с ней довольно редко. Как правило, эта девушка за словом в карман не лезла. Сыщику удалось-таки поставить ее в тупик. Хотя и не на очень продолжительное время. Анна снова присела на лавочку и поочередно взглянула на обоих сыщиков снизу вверх. Гуров невольно отметил тот факт, насколько яркими и выразительными были ее глаза.

– О'кей, – непринужденно пожала она плечами. – Если вы настаиваете... Давайте сразу расставим все точки над «i», чтобы в дальнейшем не возвращаться к данному вопросу... Как я вижу, вы – дяденьки опытные в своем деле, а значит, рано или поздно сумеете вытащить наружу все грязное белье. Так что я сделаю заявление раньше, чем вам станут известны подробности от кого-то другого...

– Мы вас внимательно слушаем, Анна.

Гуров приземлился на лавку у противоположной стены, а Крячко остался стоять у входа, подпирая широким плечом дверной косяк. Всем своим видом Станислав демонстрировал неприязнь по отношению к Анне Кеплер.

– У меня были непростые отношения с Зеленской. – Биатлонистка наклонилась вперед и пропустила сомкнутые в замок руки между колен. – И в большей степени это было связано с личным, нежели с профессиональным. Хотя мы с Машей и конкурировали за звание безоговорочного лидера клуба. Да, это тоже имеет значение... Я понимаю... Но личное тут – на первом месте. Все дело в Веронике...

– Калининой?

– Да. В ней. Она появилась у нас в клубе сравнительно недавно, чуть больше года назад. Перешла из московского «Ротора»... И мы с Машей как бы обе запали на нее. Оно и понятно. Вероника – девушка роскошная. И, как выяснилось, искусная в постели. Она умеет вытворять такое, чего вам, дяденьки, даже и не снилось... Но не о том речь... Я к другому веду. Вероника предпочла меня. Мы с ней вроде как начали встречаться. Отношения, все такое... А Маша... Ей это, конечно, не понравилось. У нее были иные планы на этот счет. Она сама хотела быть с Вероникой. – Анна помолчала немного, провела руками по волосам, откидывая их назад, и открыто посмотрела в глаза Гурову: – Я уже знаю о том, что в тот вечер, когда Машу убили, они были вместе. Знаю, чем они занимались... Вероника сама рассказала мне... Она начала колебаться... Я имею в виду Веронику... Колебалась, быть со мной или с Машей.

– Вы знали, что она колеблется? – спросил Гуров. – До убийства?

– Догадывалась, – грустно усмехнулась Кеплер. – Маша была не так уж проста, как хотела казаться для окружающих. Где-то неделю назад, после очередной совместной тренировки, она

откровенно заявила мне, что намерена увести у меня Веронику. Я вспыхнула. Мы повздорили... Крупно повздорили. При свидетелях... Короче, я была задета. Вы должны об этом знать. Но я не причастна к убийству. И, кстати, мои слова – не пустой звук, у меня есть алиби, которое несложно проверить. Очень надежное алиби. Я была совсем в другом месте, и это могут подтвердить как минимум человек пять.

– Мы это проверим, – пообещал Гуров. – Где вы были в тот вечер?

– Я была в ночном клубе. В «Элегии». У нас выдался свободный вечер. Валерий Игоревич позволил отдохнуть...

– Кто такой Валерий Игоревич?

– Наш главный тренер.

– Понятно. Мне потребуются имена и фамилии тех людей, которые могут подтвердить ваше присутствие в «Элегии» в тот вечер. – Гуров достал блокнот из внутреннего кармана пиджака.

– Разумеется. Я готова предоставить вам всю нужную информацию. Не хочу, чтобы кто-то думал, что я могу быть хотя бы косвенно причастна к убийству. Дайте мне блокнот, – попросила Анна, – я сама напишу. С указанием адресов свидетелей.

Блокнот Гуров ей не дал, вместо этого вырвал из него только один чистый лист и передал его девушке вместе с авторучкой. Анна положила его на колени и принялась быстро писать. Сыщик тем временем коротко переглянулся со своим напарником. Крячко только пожал плечами и равнодушно отвернулся в другую сторону. Слова и поведение Анны Кеплер откровенно задели его. Станислав не был привычен к такой реакции на свою персону со стороны представительниц прекрасного пола.

Закончив писать, биатлонистка вернула полковнику лист бумаги и пояснила:

– Двое свидетелей – девушки из нашего клуба, можете поговорить с ними прямо сегодня. После тренерской взбучки, конечно. До нее уже не успеете. Готова поспорить, что Валерий Игоревич уже сейчас мечет в тренерской молнии, не хуже Зевса... Ошибок на огневых рубежах у девчонок было немало.

Гуров глянул на список, вложил лист в блокнот и убрал его обратно в карман.

– Спасибо. Мы разберемся, – сухо произнес он. – Но, прежде чем отпустить вас, Анна, у меня есть еще пара вопросов.

– Каких?

Девушка быстро сверилась с наручными часами и поднялась, всем своим видом давая понять, что торопится и их разговор с сыщиками заметно затянулся.

– Вам знаком человек по имени и фамилии Геннадий Столяров?

Удивление, промелькнувшее на лице Анны Кеплер, было неподдельным. Подобные вещи Гуров научился распознавать безошибочно.

– Нет. Кто это? Какое он имеет ко мне отношение?

– Возможно, никакого, – честно признался полковник. – А Виктор Церепко? Тоже незнакомо?

Выражение лица биатлонистки не изменилось ни на йоту.

– Нет. И, честно говоря, я не понимаю суть ваших вопросов... К тому же, как я уже говорила, мое время ограничено...

– Да, конечно. – Гуров тоже поднялся и открыто улыбнулся: – Я вас больше не задерживаю, Анна. Во всяком случае, пока. И спасибо за откровенность.

Трудно сказать, что больше повергло девушку в недоумение – улыбка сыщика или его последние слова.

Крячко отступил в сторону, выпуская Анну из раздевалки.

Глава 3

– Все. Хорош. – Роман шумно выдохнул и с усилием оттолкнул от груди двухсоткилограммовую штангу. – Примешь?

Сергей, стоявший за его спиной на подстраховке, молча подхватил гриф и установил его на стойку. Роман еще раз шумно выдохнул и принял сидячее положение. Пот струился по его вискам, мокрая коротко стриженная макушка поблескивала в свете неоновых ламп. Он подхватил с пола полотенце и промокнул им лицо.

– Я думаю, на сегодня достаточно, перегруз мышц мне сейчас совсем ни к чему, так что я в душ и домой. Ты со мной, Серый?

– Пока нет. Хочу еще дать вторичную нагрузку на пресс.

– Не многовато ли? Рискуешь...

– Не, все нормально. Я чувствую, что силенки еще остались, – скупой улыбнулся Сергей, демонстрируя приятелю отсутствующий передний зуб в верхнем ряду. – Сделаю десять подходов по семь.

– Помощь нужна?

– Справлюсь.

– Ну, ладно. Тогда я пошел. – Роман повесил полотенце на шею. – Ключ на подоконнике. Закроешь, а завтра созвонимся.

Сергей кивнул. Сделав несколько круговых движений плечами, он подошел к тренажеру, занял на нем наклонное положение, так что голова почти коснулась пола, и надежно зафиксировал ноги. Справа от него хлопнула дверь, выпуская Романа наружу. Сергей знал, что приятель не задержится надолго. Выражение «я в душ» в устах Романа только звучало так весомо и солидно, на самом деле он ограничится тем, что лишь ополоснет лицо, прыгнет в тачку и на всех парах умчится к своей ненаглядной Аллочке, чтобы, не дай бог, не пропустить ежевечерний совместный просмотр любимого сериала. Роман был из числа тех «подкаблучников», которые никогда не признаются, что они «подкаблучники». Более того, сочтут такое предположение за личное оскорбление.

Сергей усмехнулся, а затем, заложив ладони за голову, плавно, без рывков, подтянулся и коснулся левым локтем правого колена. Выдохнул. Передышки делать не стал, сложился еще раз. Теперь уже правый локоть соприкоснулся с левым коленом. Это движение далось Сергею немного труднее и отозвалось глухой болью в области поясницы. Застарелая травма напоминала о себе с завидным постоянством. За долгие годы он привык к ней. Сжился с ней...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.